

Ор84

Г67

А-373729-К²

Алексей Горбачев

Офицер
медицинской
службы

Op84
767
Op84

84 (2-411.2) 6-4

Алексей Горбачев

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

**ОФИЦЕР
МЕДИЦИНСКОЙ
СЛУЖБЫ**

повесть

**Оренбург
2019**

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

а-343729

КР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Молодая, стройная березка стояла у самого входа в землянку. Когда Ручьев проходил мимо, ему показалось, что березка приветливо кивнула своими зелеными ветвями, сложно желала успеха и удачи. На мгновение он остановился перед дверью, привычно одернул гимнастерку и, постучавшись, решительно шагнул в землянку. Машинистка, ловко стучавшая на пишущей машинке, бросила недовольный взгляд в сторону вошедшего, будто хотела сказать: «Опять вы без вызова». Действительно, не дождавшись вызова, Ручьев прибыл с тем, чтобы немедленно отпроситься из резерва санитарного отдела армии в свой стрелковый полк.

Начальник отделения кадров поднял голову и, увидев Ручьева, обрадованно произнес:

– Сами пришли? Вот и прекрасно. Ваши документы уже готовы, – и, несколько секунд помолчав, добавил:

– Правда, я не удовлетворил Вашу просьбу...

Ручьев хотел возразить, но начальник опередил его:

– Не могу, товарищ Ручьев, не имею права. Рановато вы покинули госпитальную койку, товарищ капитан, – укоризненно покачал головою подполковник, перелистывая «Личное дело» военного врача. – Но после драки, как говорится, руками не машут. Получите предписание и отправляйтесь в медсанбат на должность ординатора операционно-перевязочного взвода. – И, протянув руку молодому врачу, ободряюще добавил: – Счастливого пути, желаю удачи!

Ручьев аккуратно свернул предписание, спрятал его в планшет, потом, приложив руку к козырьку форменной фуражки, попросил разрешения и вышел.

То, что в санитарном отделе армии не удовлетворили его

просьбу, задело самолюбие молодого врача, но вместе с тем, в сердце вселялась новая радость: сбывалась его давнишняя мечта – теперь он будет работать хирургом. Сколько раз в палатке полкового медицинского пункта думал он о настоящей работе под руководством опытного военно-полевого хирурга. Но об этом никому никогда не говорил и, явившись в санотдел, просился снова в свой полк, где прослужил более двух лет – сначала младшим врачом, потом командиром санитарной роты, и если бы не осколочное ранение, кто знает, может быть, теперь он был бы старшим врачом полка... Получив точные сведения о дислокации медсанбата, Ручьев из санитарного отдела направился к контрольно-пропускному пункту, чтобы попутной машиной добраться к месту новой службы.

Машин в тот день, как назло, было мало, и Ручьев скучал, сидя на скамейке в тени небольшой сосенки, дымя самокруткой.

На перекрестке стояла девушка-регулирущица и ловко взмахивала своими разноцветными флажками. Лицо девушки покрылось слоем сизой дорожной пыли. Гимнастерка ее выпцвела от солнца и, видимо, от частой стирки. Девушка старалась держать себя строго по-военному, но разве удержаться от улыбки, когда какой-нибудь скучающий вояка подойдет и спросит:

– Скажите, Катенька, дорога к вашему сердцу свободна?

Регулирущица, чуть-чуть улыбнувшись, покажет ему красный флажок, и солдат, притворно вздохнув, отходит от нее под дружный смех «пассажиров», ожидающих попутных машин.

Весело переговаривались между собой «пассажиры», а регулировщица невозмутимо продолжала взмахивать своими флажками. Ей, щупленькой девушке в военной форме, подчинялась огромная, бесконечно длинная фронтовая дорога. Юркие виллисы, аккуратные быстрые зисы, легкие и красивые газики замедляли свой бег, увидев девушку с флажками.

Ручьеву не сиделось. Он несколько раз подходил к регулировщице, но та спокойно отвечала:

– Вы не волнуйтесь, товарищ капитан, как только будет машина в вашу сторону, я сама скажу.

– Машина в сторону Красной горки! – крикнула, наконец, регулировщица.

Ручьев схватил свой небольшой кожаный чемоданчик и направился к машине.

– Больше одного не могу – груз ответственный и рессоры сели, видите, – ворчал водитель, высунув из кабины чумазое, запыленное лицо.

– Ладно, ладно, все ездят с ответственным грузом, а не зря бензин жгут, – ответила регулировщица.

– Лучше бы вы, мадам, не задерживали машину.

– Лучше бы вы, товарищ водитель, помолчали.

Пока регулировщица и водитель обменивались колкостями, Ручьев удобно устроился на каких-то ящиках, покрытых брезентом.

– Куда прикажете доставить пассажира? – спросил водитель у регулировщицы.

Ручьев понял, что речь идет о нем, и сказал:

– Я в медсанбат.

– Так медсанбатов тут по дороге много.

– В хозяйство Мироненко.

– А, – понимающе протянул водитель, – знаю. По соседству, значит. В полном порядке доставлю, – и он хлопнул дверцей.

– Товарищ капитан, здесь курить нельзя, – предупредил Ручьева сопровождающий боец в запыленной плащ-палатке.

– Извините, не знал, – смущенно улыбнулся военный врач и выбросил самокрутку.

Машина тронулась.

Шоссейная дорога то бежала по огромным полянам, то пряталась в густом хвойном лесу, словно уходила от знойных лучей летнего солнца, то подбегала к извилистой речушке с отлогими берегами, заросшими осокой, будто намереваясь утолить свою жажду.

С каким-то приподнятым чувством приближался Ручьев к переднему краю. Более трех месяцев он пролежал в тыловом госпитале, среди тишины и спокойствия, окруженный постоянной заботой. В госпитале врачи относились к нему не только как к раненому, но и как к человеку одной специальности. Они дольше задерживались у его койки во время обходов, расспрашивали, шутили, делились с ним госпитальными новостями. Его даже решили перевести в палату для старшего офицерского состава, но Ручьев отказался. Сестры, подражая своему начальству, старались предугадать желания раненого военного врача – это злило Ручьева: он считал себя равным среди других раненых и совсем не нуждался в излишней заботливости.

Лечащий врач удивился, когда однажды Ручьев потребовал немедленной выписки из госпиталя.

— Куда вы торопитесь, доктор? — улыбался лечащий врач. — Я могу перевести вас в команду выздоравливающих. Поработаете у нас.

Отдохнете.

— Нет, нет, я прошу выписать меня, — настаивал Ручьев.

— Как хотите, как хотите, доктор, — разводил руками лечащий врач.

И вот Ручьев мчится на попутной машине по фронтовой дороге. Все ему кажется знакомым — и по обочинам круглые воронки, уже зарастающие травой, и редкие винтовочные выстрелы где-то в лесу, и отдаленные глухие взрывы на переднем крае.

Машина остановилась.

— Вам сюда, — сказал водитель, указав рукою в глубину леса, где виднелся белый флаг с красным крестом и широкий дощатый щит, на котором чернели буквы: ОМСБ Боброва.

— Спасибо, товарищи, — поблагодарил военный врач, легко прыгнув с машины. — Счастливого пути.

— Счастливо оставаться, товарищ капитан, — ответили боец и водитель.

Ручьев отряхнул пыль с гимнастерки и брюк, подтянул ремень и по наезженной просеке направился в глубину леса. Сердце молодого врача учащенно билось. Он волновался, приближаясь к медсанбату, где ждала его еще неведомая, еще неиспытанная жизнь.

Военного врача остановил часовой.

— Я в медсанбат, — объяснил капитан. Часовой равнодушным взглядом смерил прибывшего и, ничего не говоря, ударил деревянным молотком о гильзу, подвешенную на сучке дерева. Если бы вместо офицера прибыл раненый, он пропустил бы его беспрепятственно, а посторонних не положено пропускать, по крайней мере, так инструктировал часового дежурный. Ручьев спорить не стал и, усевшись на пеньке, с удовольствием закурил. Издали он рассматривал широкие палатки с небольшими квадратными окнами, позолоченными лучами предвечернего солнца. Видел незнакомых людей в белых халатах, сновавших между палатками. С этими людьми придется ему работать, делить, как говорится, радости и невзгоды фронтовой жизни, и ему хотелось побыстрее познакомиться с ними,

войти в их семью.

Явился дежурный по части с красной повязкой на рукаве. Он был в хромовых, до блеска начищенных сапогах, в форменной фуражке с зеленым околышком. Звездочки на погонах и пуговицы на гимнастерке сверкали.

«Франтовато одет, – подумал военный врач, рассматривая подтянутого, с хорошей военной выправкой старшего лейтенанта медицинской службы. – Видимо, здесь любят порядок».

– Я Вас слушаю, товарищ капитан, – козырнул дежурный.

– Я прибыл в медсанбат с предписанием.

Дежурный проверил документы и, возвращая их капитану, сказал:

– Очень приятно. Прошу вас на нашу священную территорию, – широким жестом он предложил военному врачу следовать к палаткам.

– Вам придется несколько повременить, пока я наведу справки относительно дислокации нашего начальства – комбата или начсандива, – говорил старший лейтенант, идя рядом с Ручьевым. – Вы немножко отдохните здесь, – указал он на скамейку, – а я в одно мгновение узнаю.

Дежурный скрылся, и не успел Ручьев оглянуться как услышал звонкий женский голос.

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Здравствуйте, товарищ... Собственно говоря, ваши погоны закрыты халатом...

– Сержант Голубева – младшая операционная сестра, – бойко представилась девушка, слегка покраснев.

– Очень приятно, товарищ сержант. – Ручьев назвал себя и протянул руку.

Медсестра нерешительно взглянула на военного врача и медленно, словно чего-то боясь, подала свою руку с тонкими длинными пальцами.

– Вы хирург?

– Хочу стать хирургом, – откровенно признался Ручьев.

– Тогда вам трудно будет.

– А я легкой работы не ищу, товарищ Голубева. Везде трудно.

– А у нас в особенности.

– Почему? Почему у вас – в особенности?

Медсестра медлила с ответом. Появился дежурный.

– Пойдемте в штаб.

– Я думаю, вы еще ответите на мой вопрос? – обратился капитан к девушке.

– У вас уже вопросы появились? Будьте осторожны с ней, доктор, – засмеялся дежурный, подмигнув девушке.

Лицо медсестры вспыхнуло. Она хотела бродить что-то колкое в ответ старшему лейтенанту, но махнув рукой, скрылась в палатке.

– Она меня просто терпеть не может. А хороша. Не правда ли, доктор? – и, не дожидаясь ответа, добавил: – Отличная работница, доложу я вам.

Военные врачи шли мимо широких палаток, мимо землянок и срубов. Медсанбатовцы с любопытством посматривали на незнакомого капитана-медика, появившегося в их расположении.

– А вот и «кремль» наш, – указал дежурный рукой на землянку.

– Там вас уже ждут. Кстати, познакомимся. Меня зовут Кнутов.

На оформление дел ушло около получаса. В штабной землянке снова появился Кнутов.

– Все дела закончили? – обратился он к Ручьеву.

– Кажется, все.

– Предписание сдано, продовольственный и денежный аттестаты сданы, – перечислял Кнутов, загибая пальцы. – В таком случае, прошу вас ко мне.

Старший лейтенант проводил Ручьева в свою землянку и сказал:

– Пока располагайтесь, а я сдам дежурство и позабочусь относительно ужина.

– Нет, нет, что вы! Не затрудняйтесь, – попробовал было отказаться Ручьев. Но Кнутов, махнув рукой, быстро покинул землянку.

Ручьев остался один. Он присел на топчан, покрытый синим байковым одеялом.

«Начало не плохое, – подумал военный врач, осматривая землянку. – Но что хотела сказать медсестра?»

Появился Кнутов. На его рукаве уже не было красной повязки дежурного по части.

– Ну как, не скучаете?

– Отчего же скучать? – вопросом на вопрос ответил Ручьев.

– В первый день на новом месте всегда скучно. Все кажется

каким-то странным и непривычным.

– Вполне возможно.

– По себе знаю... Я, когда прибыл в медсанбат, несколько дней не мог прийти в себя, а потом привык, и теперь не могу представить себя где-либо в другом месте.

– И давно это было? – поинтересовался Ручьев.

– Почти два года.

– Значит, вы уже ветеран.

Санитар принес котелки с ужином.

Кнутов принялся накрывать на стол. Вскрыл коробку рыбных консервов, поставил банку с маслом и нерешительно взглянул на нового жильца. Старший лейтенант колебался: удобно ли будет извлечь из ящика заветную бутылочку со спиртом? Кто знает, что за человек этот капитан медицинской службы. Но, махнув на все рукою, поставил спирт на стол.

– Я думаю, того... Полезно с дороги, – улыбнулся он.

Ручьев утвердительно кивнул головою, и Кнутов заметно повеселел.

– Сам я, конечно, не увлекаюсь этой живительной влагой, держу на всякий случай, – словно оправдываясь, говорил Кнутов.

Он налил спирт в кружки.

– Ну что же, первый тост за наше знакомство.

Ручьев чокнулся с ним, залпом выпил терпкую, крепкую влагу, обжигающую горло, и с аппетитом принялся за макаронный суп.

Спирт горячими волнами разливался по телу. Появилось желание спорить, философствовать, вспоминать минувшие дни боев. А вспомнить было о чем – позади у каждого без малого три года войны.

– До вашего приезда в этой землянке размещался фельдшер Иванов, да вот покинул меня, – рассказывал Кнутов, – уехал учиться в Военно-медицинскую академию имени Кирова.

– В академию? – с жаром воскликнул Ручьев. – Удивительно!

– Да что же тут удивительного?

– Очень даже много удивительного. То есть, не удивительного, а отрадного. Значит, сильны мы, если посылаем на учебу в такое трудное время, когда каждый человек дорог на фронте.

В беседе незаметно бежало время. Военные врачи, перебивая друг друга, делились своими мыслями и даже сокровенными

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66